

М.В. ПЕВНАЯ

M.V. PEVNAYA

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОТНОШЕНИЯ
РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ К ВОЛОНТЁРСТВУATTITUDES OF THE RUSSIANS TO VOLUNTEERING:
IMPORTANT CHARACTERISTICS

Цель статьи – выделить характеристики отношения россиян к волонтерству, во многом определяющие национальную специфику его развития как социального феномена современной России. В статье реализуется вторичный анализ данных всероссийских репрезентативных опросов и научных проектов, предоставлены отдельные результаты авторских эмпирических исследований. В качестве наиболее важных характеристик отношения к волонтерству в России автором выделяются недоверие граждан к организованным формам и видам благотворительной деятельности; отсутствие у россиян ассоциаций с волонтерством, когда речь идет о конкретной безвозмездной помощи нуждающемуся человеку со стороны незнакомых людей без участия каких-либо организаций; низкий уровень информированности населения о деятельности волонтеров; проявление безучастности к различным процессам в сфере социальной и гражданской активности на фоне одобрения и голословной поддержки волонтеров со стороны большинства россиян.

The aim of this article – to investigate attitudes of the Russians to volunteering, study national characteristics of them. The paper describes four of these distinctive characteristics. The first one concerned with distrust of citizens to organized forms and types of charitable activities. The second is connected with difficulties in identifying informal forms of volunteerism as a volunteering activity – the helping a stranger without any organizational structures. The third characteristic shows that volunteering activity in Russia doesn't turn into public target. Low social and civic engagement rates in Russia on the background the approval and support of volunteers by majority of Russians is the fourth characteristic.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, волонтерская деятельность, общественное мнение, отношение населения.

Key words: volunteering, volunteerism, volunteering activity, volunteer, public opinion, relations to volunteering

Российское добровольческое движение сегодня реализует определённый потенциал роста. Социологи, занимающиеся исследованием данной проблемы, отмечают: «Все больше людей из разных социальных групп вовлекаются в социально значимые инициативы в качестве инициаторов и/или волонтеров» [9, с. 12]. Само волонтерство как социальный феномен приобретает черты значимого социального явления в нашем обществе. Таким образом, в последние годы закономерен к нему и рост внимания исследователей – теоретиков и практиков. В научных работах рассматриваются различные аспекты российского волонтерства, происходит накопление эмпирических материалов, которое помогает понять сложную природу субъектно-объектных отношений между волонтерами, а также самой волонтерской общности в целом с различными социальными группами.

В последние годы как стихийно, так и спланированно в нашей стране формируется общественное мнение относительно разных видов гражданской активности. Реализованные социологические проекты, с одной стороны, наглядно демонстрируют его динамику, с другой, – оказывают существенное влияние на формирование комплекса представлений о сути волонтерства, об активности волонтеров и волонтерской деятельности в России.

По нашему мнению, исследовательский интерес к рассмотрению отношения россиян к волонтерству обусловлен определённой практической пользой для государственного развития и может получить объяснение со следую-

щих позиций. Во-первых, население страны представляет собой мощнейший ресурс роста числа тех, кто может и хотел бы реализовать себя в волонтерских практиках. Во-вторых, дееспособность волонтеров, результативность их труда во многом зависит от среды и социального окружения, где формируется определенное отношение к тому, что они делают. Характер этого отношения формируется определенными ценностными предпосылками гражданского участия, предполагающими наличие у населения ценностных оснований данной активности. По мнению исследователей Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), к таковым относятся: «доверие к другим людям (безличное, к неопределенному кругу людей и к лично знакомым людям); принятие ответственности за происходящее как в непосредственной сфере жизнедеятельности, так и в более широком социуме; представление о том, что окружающие могут объединяться, если их интересы совпадают, если возникает необходимость отстаивать свои права; уверенность в своей правовой защищенности» [11, с. 21].

В статье представлены результаты всероссийских опросов общественного мнения ФОМ, ВЦИОМ, Левада-центра, а также интерпретируются данные инициативных всероссийских исследовательских проектов и материалы отдельных региональных исследований – результаты обобщения экспертных интервью руководителей ведущих некоммерческих организаций Свердловской области различных типов (добровольческого движения, благотворительных фондов, регионального представительства международной благотворительной организации, региональных некоммерческих организаций), государственных социальных учреждений и служб (N=22, 2013).

Все явления социальной жизни имеют определенный сознательный аспект. Они преломляются в восприятии людей, нагружаются определенными смыслами и приобретают конкретные значения, важные для индивидуального и коллективного понимания и оценки этих явлений не только в настоящем, но и в будущем. В быденном сознании россиян представления о современном волонтерстве только начинают складываться. На разных исторических этапах в России можно найти целый ряд примеров, когда в той или иной форме проявлялись различные добровольческие практики. Резкий разрыв в условиях их реализации отложил определенный отпечаток не только на формирование традиций волонтерской деятельности, но и на традиционные представления у населения о волонтерстве. Проанализируем мнения обывателей, дадим оценку степени информированности россиян о волонтерской деятельности и характеристиках людей, которые ей занимаются.

В российских опросах общественного мнения и исследовательских проектах волонтерство определяется и изучается как один из видов гражданской активности населения (ФОМ), либо как направление или форма благотворительности (ВЦИОМ, Левада-центр, Циркон). Исследователи с определенной регулярностью фиксируют не только благотворительную активность россиян, но и измеряют изменения в отношении населения к благотворительности. Например, данные опросов Левада-центра показывают позитивную динамику в субъективных оценках значимости для России многих форм благотворительности (табл. 1) [5].

Интересно отметить, что каждый пятый респондент, принявший участие в опросе, отмечал работу на добровольных началах как наиболее действенную форму благотворительности. За шесть лет (2006–2012 гг.) согласных с этим утверждением россиян стало на 7% больше, и волонтерство по уровню своей эффективности, по мнению населения, в рейтинге значимости переместилось на второе место, потеснив на третью позицию такую форму, как «распределение помощи через государственные органы социальной защиты».

**Распределение ответов россиян на вопрос:
«Какие формы благотворительности являются сегодня для россиян
наиболее действенными и эффективными?»
(% от общего числа опрошенных)**

Формы благотворительности	Дата опроса	
	сентябрь 2006	ноябрь 2012
Адресная помощь («из рук в руки»)	62	59
Распределение помощи через государственные органы социальной защиты	15	17
Работа на добровольных началах, волонтерство	13	20
Распределение помощи через специальные благотворительные фонды, организации	13	12
Поддержка разовых благотворительных акций или участие в них	8	11
Другое	<1	<1
Затрудняюсь ответить	14	16

Несмотря на выявленные положительные тенденции, число россиян, дающих хорошую оценку дееспособности волонтерства, значительно меньше по сравнению с теми, кто верит в эффективность помощи нуждающимся «из рук в руки». По нашему мнению, сложившаяся ситуация во многом связана с определёнными характеристиками отношения российского населения к волонтерству.

Первая характеристика проявляется в недоверии со стороны большинства россиян к организованным формам и видам благотворительной деятельности, порождаемом недоверием к деятельности в этом направлении государства и чиновников. С нашей точки зрения, именно поэтому общность российских волонтеров имеет свою специфику, где её главная особенность заключается в том, что в России независимо друг от друга, практически параллельно существуют и работают две большие условно выделенные структуры волонтеров. К первой («формальные волонтеры») относятся те добровольцы, которые осуществляют безвозмездную помощь другим людям в рамках деятельности каких-либо некоммерческих организаций, как правило, имеющих связь с социальными организациями, исполнительными органами власти, образовательными учреждениями. Ко второй структуре («неформальных волонтеров») отнесём тех, кто оказывает безвозмездную помощь вне каких-либо институциональных структур. Как правило, эти россияне осуществляют свою волонтерскую деятельность в одиночку или объединяются с другими людьми на неформальной основе, даже не осознавая, что они занимаются волонтерством.

Распространённость и популярность среди населения нашей страны неформальных волонтерских практик является неопровержимым фактом. Ещё в 2007 году в отчёте Международной Организации Труда обозначена проблема, связанная со сложностью измерения волонтерства в развивающихся странах. Эксперты отмечали, что «неформальное волонтерство» и «соседская взаимопомощь» в таких странах тесно переплетены и широко распространены. По их мнению, неформальное волонтерство по своим характеристикам ближе к домашнему труду, а формальное волонтерство – к оплачиваемому труду или занятости [10, р. 71].

Действительно, для россиян в целом характерно участие в жизни других людей. За 2013 год, например, «помогающее поведение» проявляли 76% россиян. Главным образом оказывали помощь ближайшему окружению: 46% – родственникам, 39% – друзьям, 31% – соседям, 25% – знакомым. Толь-

ко каждый десятый россиянин (9%) был вовлечён в добровольческую работу через те или иные организации. В основном это происходило по месту работы (4%) или жительства (3%), а также в составе инициативных групп (2%) [3]. Эти данные косвенно демонстрируют ресурс гражданской взаимопомощи в российском обществе.

Вторая характеристика отношения россиян к волонтерству определяется отсутствием у населения ассоциаций с волонтерством, когда речь идёт о конкретной безвозмездной помощи нуждающемуся человеку со стороны незнакомых людей без участия каких-либо организаций. В этом плане следует отметить характерную черту общественного мнения российских граждан относительно волонтерства, заключающуюся в несформированности чёткого представления о волонтерах и добровольцах. Например, отвечая на вопрос: «Как называют людей, которые по собственному желанию и без вознаграждения в свободное от работы (учёбы) время делают общественно-полезные дела, либо помогают нуждающимся – гражданам, животным и т.п.?», 38% респондентов, принявших участие во всероссийском опросе населения, затруднились дать какой-либо ответ, 38% назвали их волонтерами, 6% – добровольцами, 13% – добрыми, хорошими милосердными людьми, альтруистами и т. д. [3].

Затруднения в идентификации волонтеров и определении их деятельности хорошо объяснимы отсутствием стереотипных представлений о волонтерстве или добровольчестве в российском обществе, Ещё У. Липпман писал, что стереотипы последовательно и авторитетно передаются из поколения в поколение, так что кажутся присущими физиологии индивида [6, с. 95]. Специфика формирования стереотипов сознания россиян относительно волонтерства заключается в том, что при явном присутствии социального феномена волонтерства в российской истории в тех или иных проявлениях из дискурса исключался сам термин «волонтерство», либо использовалось понятие «добровольчество» исключительно в ограниченных смыслах. Таким образом, на протяжении достаточно длительного периода отсутствовала возможность выделять ключевые элементы самого восприятия, так называемые «ключевые слова», в которых в концентрированном виде выражается суть целого образа, представления или суждения [7, с. 149].

Аналитики ФОМ пришли к выводу, что не только люди, наблюдающие за волонтерами со стороны, часто плохо понимают, что такое добровольчество, но и «внутри сообщества нет общепринятых представлений даже о таких, например, фундаментальных вещах: кто может, а кто не может считаться добровольцем, чем должны, а чем не должны заниматься волонтеры» [9, с. 68].

Эти особенности обозначили и руководители НКО Свердловской области, привлекающие к своей деятельности волонтеров. *«У нас люди очень часто вообще не понимают слово само «волонтер», т. е. они его никогда не слышали и не знают, кто это такой – доброволец...» (Сотрудник НКО, 25 лет).* *«Слово – волонтер многих просто иногда пугает – не пугает, но растерянность появляется. Люди спрашивают: а кто это, а что это, а что нужно сделать и что за это будет?» (Руководитель благотворительной организации, 28 лет).*

Таким образом, в массовом сознании российского населения отсутствует чёткое представление об общности волонтеров, о значении, важности и последствиях их работы, о сфере их деятельности.

Третья характеристика отношения россиян к волонтерству связана с уровнем информированности населения о деятельности волонтеров, который по данным ряда исследований остаётся достаточно низким. Какое же отношение может сформироваться у человека к тому, о чем он не имеет какого-либо определённого представления? Согласно данным опроса ФОМ, большинство жителей российских городов выглядят не слишком информированными о деятельности добровольцев. На вопрос «Вы знаете, что-то слышали

или ничего не знаете о деятельности активистов в вашем городе?» ответили «знаю» только 15%, «что-то слышали» – 35% респондентов. Впрочем, уровень информированности населения о волонтерстве несущественно изменился и через год. В 2013 г. среди всего населения что-то знали или что-то слышали о волонтерах 47% жителей крупных городов и сельской местности РФ [9, с. 43]. По результатам опроса 2012 г. неинформированных граждан больше среди людей старше 55 лет (53%) против 44% респондентов среднего возраста.

Исследователи приходят к интересным выводам. Во-первых, люди среднего возраста и молодёжь, а также лица с высшим образованием информированы о деятельности активистов лучше представителей старшего поколения. Во-вторых, информированность или неинформированность о добровольцах является важным различительным признаком респондентов, позволяющим говорить не просто об «информационном эхе добровольчества», но о социальной среде добровольческой деятельности [8, с. 40].

Весной 2013 г. Совет Федерации разработал законопроект о добровольчестве (волонтерстве). На фоне создания и обсуждения данного документа обострились противоречия между позицией общественных деятелей, социальных активистов, волонтеров и позицией чиновников. Однако публичная дискуссия по данному поводу не затронула сферы интересов большинства населения. Но именно на этом фоне, на наш взгляд, проявились ещё два важных, противоречивых по своей сути, момента, характеризующих отношение населения к волонтерству. С одной стороны, большинство россиян продемонстрировали свою безучастность и бездеятельность. Например, в то время, когда среди специалистов третьего сектора, членов общественных советов, волонтеров и представителей законодательной власти шло острое обсуждение новой законотворческой инициативы, получившее широкое освещение в средствах массовой информации, уровень информированности населения об этом оставался незначительным. О том, что Совет Федерации разработал данный документ, знали только 3% респондентов, принявших участие в ФОМнибусе. Что-то слышали об этом только 12% россиян, ничего не знали – 83% из числа всех опрошенных. Наибольшее число информированных о данном проекте среди людей с доходом выше 20 000 рублей (22%) и жителей Москвы (26%) [4].

С другой стороны, при проявлении массового отсутствия интереса к различным процессам в сфере социальной и гражданской активности население в большинстве своём одобряет и на словах поддерживает волонтеров, особенно, когда сталкивается с необходимостью в их помощи. Левада-центр летом 2012 г. провёл всероссийский опрос, в котором городскому и сельскому населению был задан вопрос: «Как Вы считаете, волонтеры, которые приехали в Крымск после произошедшей там катастрофы, действительно помогают там людям, потерпевшим бедствие или только “путаются под ногами” и сеют панику?». Реальную помощь волонтеров отметили 77% опрошенных, негативную оценку их деятельности дали только 13%, затруднились ответить на вопрос 11% респондентов [1].

В другом случае, по данным ФОМ, среди тех, кто следил за новостями о ситуации на Дальнем востоке (85% от числа всех респондентов), 67% опрошенных полагали, что волонтеры вносят существенный вклад в ликвидацию последствий природной катастрофы. В этом были уверены 70% людей старше 46 лет, 67% – возрастной группы от 31 до 45 лет и лишь 60% молодёжи в возрасте от 18 до 30 лет. Незначительность вклада волонтеров отметили только 7% респондентов, 12% – затруднились дать ответ. Интересно отметить, что среди жителей Дальневосточного федерального округа, имеющих реальную возможность наблюдать за проблемной ситуацией не только из-за экрана телевизора или компьютерного монитора, доля согласных с тем, что волонтеры вносят существенный вклад в оказание помощи пострадавшим от наводнения существенно выше и составляет 79% [2].

Безусловно, выделенные в данной статье характеристики общественного мнения россиян относительно волонтерства не являются исчерпывающими. Однако именно они помогают нам понять, по какой траектории сегодня может развиваться волонтерство в нашей стране, так как демонстрируют зависимость данных практик от характера общественного сознания в отношении волонтерства, от совокупности понятий, представлений, убеждений, оценок, типичных для россиян, от различных характеристик среды, которая оказывает влияние на их формирование.

Литература

1. Всероссийский опрос Левада-центра. 26.07.2012. Объем выборки - 1601 респондентов [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.levada.ru/26-07-2012/gossiyane-o-tragedii-v-krumske> (дата обращения: 05.08.14).
6. Данные опроса «ФОМнибус» 13.09.2013. 100 населённых пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://fom.ru/obshchestvo/11081> (дата обращения: 05.08.14).
7. Данные опроса «ФОМнибус» 19.05.2013. 100 населённых пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://soc.fom.ru/obshchestvo/11005> (дата обращения: 02.09.14).
2. Данные опроса «ФОМнибус» 17.03.2013. 100 населённых пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://fom.ru/Bezopasnost-ipravo/10871> (дата обращения: 05.10.14).
8. Всероссийский опрос Левада-Центра 23.11.2012. Выборка - 1596 человек. Статистическая погрешность данных не превышает 3,4% [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.levada.ru/05-12-2012/kazhdyi-chetvertyi-rossiyanin-okazyval-blagotvoritelnyu-pomoshch-khotya-raz-za-poslednie> (дата обращения: 25.12.14).
3. Липпман, У. Общественное мнение [Текст] / У. Липпман. - М. : ИФ «Общественное мнение», 2004. - 384 с.
4. Меренков, А.В. Социология стереотипов [Текст] / А.В. Меренков. - Екатеринбург : УрГУ, 2011. - 291 с.
5. Отчёт по проекту «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации». - М. : ФОМ, 2012. - 280 с.
6. Ресурсы российского добровольческого движения: аналитический доклад по результатам исследований ФОМ 2012-2013 гг. [Текст] / под ред. С.Г. Климовой, Е.С. Петренко. - М. : Фонд «Общественное мнение», 2014. - 109 с.
9. Руководство МОТ по измерению волонтерского труда по официальным данным обследований рабочей силы // Johns Hopkins International Labour Organization Volunteer Measurement Project Technical Experts Group on the Measurement of Volunteer Work. Inaugural Meeting. Geneva, Switzerland, 4-6 July 2007. - P. 71. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://ccss.jhu.edu/wp-content/uploads/downloads/2011/09/Manual_Development_TEG_2010.pdf. (дата обращения: 20.12.14).
7. Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах России [Текст] : итоговый отчёт по проекту. - М. : ФОМ, 2014. - 192 с.